

КРУГ ПЕРВЫЙ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ

**1

Танцовщица обнажила молодую упругую грудь. Маленький, расшитый сверкающими стразами и разноцветными пайетками лиф приземлился прямо под носом у троих скучающих, несмотря на атмосферу оживленного веселья, мужчин.

— Это не стрипбар, а какой-то притон, — недовольно поморщился Мика, оглядываясь по сторонам.

В недостаточно темном для происходящего действия углу, на обшитом фиолетовым бархатом диване расположился мужчина средних лет в дорогом костюме. Его подбородок был неестественно задран вверх и подрагивал от напряжения. Одной рукой он пытался ослабить галстук, второй — придерживал за волосы взлохмаченную женскую голову, ритмично двигавшуюся в районе его ширинки.

— Одними танцами никого не удивишь, — философски заметил Вэл и опрокинул в себя стопку текилы. — Как насчет выпустить пар?

— Теоретически почему бы и нет? — поддержал товарища Дэн.

— Очкарик, ты, как всегда, теоретик, блин, — Вэл по доброму похлопал товарища по плечу.

— Потому что ты женат. Практически, — напомнил Мика изрядно перебравшему Дэну. — И вообще, успокойтесь, нам это не по карману. Нас бы даже на порог этого заведения не пустили, если бы не Палыч.

— Кстати, куда он подевался? — огляделся Дэн.

— Судя по тому, какая пышногрудая мадама строила ему глазки, он уже на седьмом небе, — усмехнулся Вэл и пододвинул к каждому по стопке с прозрачной жидкостью. — За Григория Палыча! Пусть босс будет здоров и добр к нам!

Мужчины синхронно выпили.

Танцовщица с пшенично-рыжими волосами приблизилась к их столику и выполнила несколько соблазнительных приседаний в танце, широко разводя колени. Дэн приспустил очки и нырнул взглядом прямо туда, где в ее плоть жадно впиалась тонкая полоска трусиков. Мика бесцеремонно взял его за подбородок кончиками пальцев и отвернул от девушки.

— Не будь занудой, Мик! Надя мне уже полгода не дает.

— Не будь уродом, она беременна.

Дэн закатил глаза.

— Это моя карма. А все, что происходит здесь, не имеет ничего общего с изменой, — Дэн обиженно, детским жестом, поправил очки. — Ты вообще свободен с недавнего времени, насколько я помню.

— Свободен, — Мика нервно почесал щеку и убрал выбившуюся прядь волос за ухо, — но все равно у меня нет таких денег. А если бы и были, я бы отдал их на благотворительность.

— А как же премиальные от шефа в честь юбилея? — подмигнул Вэл.

— С Элей я больше не живу, так что потрачу эти деньги на аренду комнаты, — нашелся Мика.

Откуда ни возьмись нарисовался Палыч — виновник торжества:

— Эй, друзья, чего грустите? Грех! Грех унывать в такой вечер! Посмотрите вокруг! Вы педики, что ли?

— Палыч! — Вэл по-братски опустил свою увесистую волосатую руку на плечо невысокого и шуплого по сравнению с ним, именинника. — Ты-то чего до сих пор не расчехлился?

Вэл обладает специфическим характером, ему по барабану, кто перед ним — непосредственный начальник ли, владелец ли канала, на котором он трудится, или сам президент. Он похлопает человека по плечу, тут же перейдет на «ты», пошутит и расскажет пошлый анекдот. Но ничто из этого не вызывает отторжения у собеседников, настолько Вэл органичен во всех своих проявлениях. Двухметровый добряк и балагур, обидеться на него практически невозможно. Он говорит то, что думает, не тратя времени на подбор удобных слов. Он не скован условностями. Он озвучивает то, о чем молчат остальные. Он — глас народа, застывшего в нерешительности. И если в помещение зайдет кто-то с расстегнутой ширинкой, Вэл будет первым, кто без колебания ему об этом сообщит, а заодно разрядит обстановку.

Именно благодаря этому коммуникативному навыку Палыч взял Вэла на работу, закрыв глаза на его скромный опыт. А когда Вэл подтянул еще двух своих друзей, Дэна и Мику, Палыч обеспечил работой и их.

— Валян, знаешь, ты мне как брат. Хочу, чтобы ты и твои друзья в эту ночь оторвались по полной. А за меня не переживайте, я свое доберу еще сегодня. Эй! — Палыч сложил напряженные губы в трубочку и свистнул официантке, верхняя часть тела которой не была прикрыта ничем, кроме тонких ремешков, только лишь очерчивавших силуэт возможной одежды. — Повтори всем по две! То же, что и мне!

Через минуту на столике перед мужчинами оказался поднос, уставленный шотами с зеленоватой жидкостью.

— Абсент? — уточнил Дэн. — Я пас. У меня аллергия на полынь.

— Лучше, братан! — с гордостью объявил именинник. — Не будь занудой, уснешь и пропустишь все веселье. Давай хватай — и до дна! После такого вы отсюда выйдете исключительно с разряженными обоями. Давайте, пацаны! Не чокаясь только — сорок лет все-таки.

— Вот, вовремя вспомнил. Ты уже все проклятия собрал, согрешил где только можно, и мы вместе с тобой. Не приключилось бы чего! Давай, будь здоров, — Вэл смачно врезался своей рюмкой в рюмку Палыча.

— Что за суеверия? Расслабьтесь...

Он не договорил, потому что к нему прильнула очередная бесстыжая девка с розовыми волосами, потянула за рукав и игриво улыбнулась остальной троице. Палыч подался к ней и, удаляясь, крикнул полуголой официантке:

— Лиззи, повтори пацанам! За мой счет.

Часа через полтора зал немного опустел. Как и стопки, выстроившиеся батареей перед тремя изрядно захмелевшими приятелями. Рыжая танцовщица уже лениво, без прежней прыти, крутилась вокруг шеста, как будто вконец разочаровавшись в объектах своего сегодняшнего внимания.

— Пацаны, я пойду, — эти слова из уст шатающегося Мики выглядели бравадой.

— Подожди, из этой глуши поедем вместе.

— Только раздразнились! — обидчиво выпятил вперед нижнюю губу Дэн.

Вэл ободряюще притянул Дэна к себе, зажав его шею сгибом своего могучего локтя:

— У тебя хоть Надежда дома, а нам с Миханом и податься некуда.

— Она не дает. Говорит, врачи запретили.

— Ну, я и говорю — есть надежда! Ты же сам медик. Врачи просто перестраховываются в таких случаях, я слышал.

— Я психолог! Когда ты поймешь разницу? — Дэн высвободился и недовольно поджал губы, оглядываясь по сторонам.

В этот момент вплотную к Вэлу приблизился сотрудник заведения. Мика издал едва заметный выдох облегчения: наконец-то их отсюда попросили.

Но победоносный взгляд Вэла не сулил ничего хорошего. Он запустил руку в задний карман джинсов, выудил оттуда две смятые пятитысячные купюры и залихватски выложил их на блестящий, липкий от мокрых разводов столик.

— Эврика, друзья! Нам сделают скидку на приватный танец! — играя бровями и соорудив дурацкое выражение лица, он покосился в сторону выжидательно поглядывающей на них рыжей танцовщицы. — Скидываемся!

Дэн был настолько пьян, что даже забыл про свое привычное скупердяйство и безропотно достал из матового кожаного бумажника такую же сумму.

— Я пас, — недоумевающе усмехнулся Мика.

Вэл поднял брови очень высоко и, выразив взглядом все свое разочарование упертостью друга, снова полез в карман. Мика мгновенно смутился, не припомнив ни одного случая, когда бы Вэл ему отказал. Причем это касалось самых разнообразных, в том числе и скучнейших дел: забрать эвакуированную машину среди ночи, отвезти в больницу девяностолетнюю бабушку. Вэл всегда был готов прийти на помощь. Да и какой смысл упираться, если он и впрямь свободен как ветер?

— Даже наш женатый друг похоронил надежду на Надежду. А ты ломаешься. Эльку твою, фифу эту, давно пора было прочить.

Мика запустил два пальца в нагрудный карман и извлек свой вклад в сомнительное мероприятие.

— Черт с вами. Но что с нами будут делать за такие бабки?

Сотрудник, топтавшийся неподалеку, подошел, сгреб со стола купюры и многообещающе улыбнулся:

— Вы не будете разочарованы, господа. Девушке нужно подготовиться. Десять минут. А пока — шоты за счет заведения.

Прошло десять минут. И еще десять. Придерживаясь за столик после еще двух шотов, Мика насмешливо заметил:

— Интересно, чего вы ожидаете от себя в таком состоянии? Почти за штукарь баксов нас погладят по головке и уложат спать?

— Хорош, брат! У нас за подсчет копыа отвечает Дэныч. Ты-то чего завелся?

— Да я так, пофиг уже. Просто любопытно.

Подошла официантка с подносом в одной руке. Пока она размеренно выполняла свою работу, собирая пустые рюмки и протирая столик, ее мягкие зефирные груди цвета топленого молока колыхались под носом у притомившихся посетителей.

— Э-эй, — Вэл пригрозил пальцем загипнотизированному сим зрелищем Дэну, у которого запотели очки. — Я чувствую то же самое, что и ты, но это не наш трофей.

Мика поморщился.

Вдруг Дэн подскочил на месте и указал пальцем в сторону выхода:

— Она уходит! Наша танцовщица! За которую мы заплатили!

Стройная девушка с небрежно собранной в хвост копной пшенично-рыжих волос всем весом навалилась на входную дверь, которая легко выпустила рабыню ночи в серое туманное утро.

— Точно.

Несмотря на повседневный прикид и отсутствие недавнего боевого раскраса, это, вне всякого сомнения, была она — та, что танцевала для них последние не-

сколько часов и за приват с которой они выложили круглую сумму. Мужчины оглянулись в поисках менеджера или кого-то, кому можно было бы предъявить за такой наглый неприкрытый развод, но зал совсем опустел, и, помедлив секунду, они направились к выходу.

В какую же глушь завез их Палыч для «продолжения банкета»? Вроде от МКАД ехали всего минут двадцать, а попали в настоящее захолустье. Когда они только приехали, то вообще ничего не разглядели из-за глухой темноты, при этом они были еще сравнительно трезвы. Никаких признаков уличного освещения. Но теперь сквозь сероватый воздух туманного апрельского утра вырисовывались силуэты покосившихся деревянных построек с заколоченными ставнями и выбитыми местами стеклами. Через дорогу отсюда располагался комфортабельный подмосковный спа-курорт, где Палыч любил зависать и благодаря которому он узнал про закрытый клуб элитных проституток неподалеку. Но сейчас густой туман съедал любые намеки на соседство с цивилизацией.

Он практически поглотил и силуэт девушки и сделал бы его совсем невидимым для мужчин, если бы она сама не остановилась в нервном замешательстве.

— А вы не рано ли домой намылились, барышня? — громогласно поинтересовался Вэл.

— А твое какое дело?

— Я бабло потратил, точнее, мы. Тот мажор, администратор, деньгули взял, наобещал золотые горы — и адьес амигос!

— Я здесь ни при чем.

Вэл, покачиваясь, сделал несколько шагов к девушке. Та попятилась.

— Быстро ты переделась. И краску уже смыла.

— Отстаньте! — нервно пискнула она. — Вас еще не хватало! И так таксист не дождался, уехал.

— Как еще можно отсюда до города добраться? — нечленораздельно промычал Мика.

Девушка с некоторой настороженностью ответила:

— На той стороне аллеи есть автобусная остановка, — она махнула куда-то в туман и, сделав еще несколько шагов в том же направлении, добавила: — Скоро первый рейс.

Похоже, ее покинула досада по поводу уехавшего такси, поскольку у нее появилась проблема посерьезнее в виде трех пьяных, требовательно настроенных мужчин. Но она все еще старалась держаться непринужденно, ничем не выдавая испуг.

— Ребята, вы реально ошиблись. Если вам кто-то что-то задолжал, то ищите его или ее в клубе, — она указала взглядом на дверь, из которой вышла минуту назад, и решительно развернулась на каблуках.

Девушка одернула тоненькую курточку из кожзама, отороченную полосками искусственного меха, поправила тряпичный рюкзачок на плече и сделала несколько уверенных шагов в направлении аллеи. Ее маленькие рельефные бедра, обтянутые грязно-серыми джинсами, удалялись, покачиваясь и ненароком дразня застывших в растерянности мужчин, накаченных спиртным и афродизиаками неизвестного происхождения. Они пока не задумывались о причинах своего настроения, но каждого в этот момент распирало от желания сорвать одежду с этой маленькой обманщицы, выпустить накопившуюся мужскую силу, избавиться от нездоровой навязчивой потребности немедленно совокупиться с какой-нибудь клубной потаскушкой.

Дэн оказался бессилен против своей тяги. Он в два прыжка нагнал девушку и дернул ее за рюкзак. То ли от неожиданности, то ли от боли в плече она вскрикнула и захлала ладонью наотмашь мужчине по лицу так, что его очки упали на асфальт.

— Ах ты, сука! Значит, будем по-жесткому? Ребят, как вам такой расклад? — он обернулся к товарищам.

Девушка осмелела, видя, что остальные не поддерживают своего пьяного дружка, и, со всей силы толкнув обидчика, бросилась бежать.

Дэн пошатнулся и завалился прямо в грязную жижу — стандартное месиво, которое оставляет недавно сошедший снег.

Мика не шелохнулся, а лишь в очередной раз закатил глаза. Его тянуло пойти в сторону остановки, но не хотелось, чтобы рыжеволосая подумала, что он тащится за ней.

Вэл подошел к Дэну, одним рывком привел его в вертикальное положение, посмотрел в сторону беглянки и с досадой заключил:

— Уходит.

— За ней! — с азартом полководца скомандовал Дэн.

— Как скажешь, — согласился Вэл.

Мужчины собрали последние силы и устремились вслед за ускользающим трофеем.

Мика еще несколько секунд постоял на месте, просто потому что ему казалось, что если он пошевелит хотя бы пальцем, то его вывернет наружу. Но тревожные возгласы друзей, донесшиеся до него из гуши тумана, заставили молодого человека сделать несколько шагов вперед. Глаза застилала пелена — кажется, это были веки.

— Где она?

— Свалила!

— Не успела бы, бежать некуда. Притаилась где-то!

— Тогда найдем.

— Посмотри в беседке!

— Ага... А-а-а, сука! Сука, на, получи!

— Бля, ты что сделал?

— Ничего, живая... Посмотри, она мне нос расквасила!

— На месте твой нос.

— Я приду домой без очков, с разукрашенной физиономией и все из-за какой-то шлюхи!

— Что ты делаешь?

Мика приблизился к беседке и разглядел, что Дэн расстегивает ремень. В этот момент за его спиной хлопнула дверь клуба, но этого никто не услышал.

— Это такая игра, понимаешь? Ролевая. Так интереснее.

— Но она же без сознания! — прохрипел Вэл. — Все, остынь!

— Нет!

Мика услышал стон девушки.

— Подержи руки.

— Какого хрена? Ты серьезно?

— Держи крепче!

Подойдя к беседке еще ближе, Мика увидел Дэна на беглянке. Действо длилось минуту, потом он повернул тело девушки к себе спиной и продолжил. Вэл держал ее руки, взгляд его был стеклянным, ничего не выражающим.

— Ну, чего ждете? Ваша очередь, — Дэн отвалился от тела девушки и, удовлетворенный, уселся голой задницей на отсыревшие гнилые доски.

Девушка приоткрыла глаза, но Вэл перекинул ее невесомое тело, словно мешок, через поручень беседки, резко рванул вниз молнию своих джинсов, и Мика услышал несколько смачных грубых шлепков. Дэн поднялся и запустил свою перепачканную руку в разлохмаченные волосы, отливавшие рыжиной даже в тусклом свете наступающего утра.

— Отрабатывай, детка, — сказал он.

У Мики закружилась голова, но он сделал шаг вперед. Единственная ступенька отделяла его от входа в беседку, где двое его лучших друзей вытворяли что-то не-

вообразимо жестокое, такое не свойственное ни одному из них. Он не понимал, что с этим делать. Вмешаться? Остановить?

Но ступенька подвела его, он споткнулся и упал на грязный пол. Ничего не видя, он только улавливал доносившиеся откуда-то издали голоса:

— А она не против! Смотри-ка, так и впрямь веселее!

— Я же говорил! Все по сценарию! Придерживай на всякий случай.

И вдруг услышал свое имя:

— Мика, красав! Так ее, так!

**2

Первым делом после пробуждения Мика перебрался с кровати на деревянный стул у окна.

Бывшая возлюбленная в шутку называла Мику «перспективным женихом с двумя яблоками». Все, что было у него из активов, — это айфон предпоследней модели и «Макбук» пятилетней давности. Даже старенький «Ниссан» был настолько ломким, что Мика предпочитал снимать комнату в самом центре, практически возле офиса телекомпании. Не надо было каждый раз зависеть от настроения машины или заморачиваться с общественным транспортом. Он прожил у своей девушки несколько недель, но к моменту их расставания его старая комната все еще пустовала, и он вернулся, не заплатив, однако, за проживание.

Но сейчас его съедала горечь совсем по другому поводу. Если бы он проигнорировал вчерашнее приглашение на юбилей — что и подсказывало ему сделать все его существо, — то за эту ночь он закончил бы написание своей второй книги. А вместо этого он сидит перед за-

крытым уже вторые сутки ноутбуком с трещащей башкой, глубоким провалом в памяти и беспокойной совестью. Еще сутки ему понадобятся, чтобы прийти в себя. А потом наступит понедельник, и его, как обычно, засосет рабочая суета, которая не даст взяться за рукопись до следующих выходных, в которые он еще и дежурит. От досады он нащупал в кармане чем-то перепачканных джинсов, которые он даже не потрудился снять перед сном, пачку сигарет и закурил.

Запрокинув голову с грязными слипшимися волосами, он следил, как причудливо расползаются круги едкого дыма на фоне чуть пожелтевшего потолка комнаты в коммуналке, в которую ему посчастливилось вернуться лишь благодаря доброте и хорошему расположению хозяина, проживавшего, кстати, в самой маленькой и неказистой комнатухе этой стопятидесятиметровой квартиры. Правда, на один только длинный коридор с ветхим скрипучим паркетным полом приходилась чуть ли не половина всей площади.

Только ленивый не прикидывал, как бы грамотно перекроить квартиру, снеся все стены и перегородки или какие хоромы можно приобрести взамен этого тухлявого жилья в самом центре столицы, переехав куда-нибудь на окраину. Но у маленького неприметного хозяина были свои планы, даже, может быть, свои воспоминания, связанные с этим жильем.

Мике эта квартира тоже стала близка. Именно сюда, точнее — в до мелочей прописанную такую же коммуналку, он поселил главных героев своей второй книги. Отчасти они были списаны с арендаторов, с хозяина и даже с него самого.

Впрочем, это не так важно. Важнее то, что синопсис его первой рукописи приглянулся редактору, внимание которого Мика старательно пытался заслужить на протяжении последних двух лет. Едва поставив точку в своем

первом романе, он всеми путями добивался того, чтобы именно этот редактор прочитал его труд.

Спустя два года редактор прочитал и весьма однозначно дал понять, что рукопись сыровата для публикации. Он посоветовал не доводить до совершенства эту работу, а написать вторую, учтя все замечания. Редактор вселил в Мику надежду на то, что он способен сделать это.

Но вера в успех угасала прямо пропорционально тому, как другие издательства и редакторы игнорировали или отклоняли его первую работу. А Мика толком не видел прогресса и колоссального отличия второй работы от первой. Поэтому процесс шел очень медленно, со свойственными творческому человеку метаниями, неуверенностью в себе и время от времени наступающей апатией. Быть может, рукопись так и осталась бы заброшенной, если бы несколько месяцев назад тот самый редактор не поинтересовался у Мики о сроках ее завершения и не попросил прислать синопсис и первую главу. И вот в итоге прозвучал непривычно скорый и ободряющий ответ: «Закончишь к маю — возьму на защиту на летний редсовет».

Мика с тех пор вдохновенно строчил почти каждую ночь, даже несмотря на головокружительный, набиравший обороты роман с Элей. Приходилось еще и скрывать от нее, по возможности, свое ремесло, поскольку когда заходила речь о его писательстве, Эля скептически кривила свое симпатичное личико: девушке явно хотелось видеть его занятым более перспективными вещами. А ей можно заниматься творчеством! Ее посиделки с художниками — это святое, ведь она неплохо зарабатывает себе на жизнь основной работой! Мика не обижался, не осуждал ее и даже в чем-то был с ней солидарен.

Но их недавнее расставание и предшествовавшие ему события так выбили его из колеи, что он несколь-

ко дней не мог взяться за рукопись, несмотря на поджимающие сроки. Совсем недавно он все-таки собрался с духом и уже подвел сюжет к финалу, как вдруг это нелепое, шумное и пошлое мероприятие ворвалось в его размеренную жизнь.

Черт бы тебя побрал, Палыч! Да и Валяна, которому, как всегда, невозможно было отказать. Теперь он в полной заднице. Даже если он успеет закончить рукопись на днях, ее же еще надо раз пять перечитать, а еще хорошо бы параллельно привлечь независимого редактора (желательно, не очень дорогого). Лучше уж перестраховаться, чем нести в издательство сырой материал. Он чувствовал, что именно сейчас решается его писательская судьба.

Нет, он еще не считал себя писателем, но именно от того, станут его публиковать или нет, зависело, начнет ли он нескромно присваивать себе это почетное звание.

****3**

Дэн приподнял голову и увидел в двери размытый силуэт в бесформенном небесно-голубом одеянии. Ангел?

Ангел вознес вверх какую-то длинную палку и с таким грохотом обрушил ее на пол, что череп Дэна чуть не разлетелся на куски. Он резко зажмурился на несколько секунд и, вновь открыв глаза, увидел Надю в домашней светлой тунике, обтягивающих белых легинсах и с телескопической шваброй в руках. Опустив взгляд ниже, он заметил засохшие земляные следы на светлом, идеально натертом паркете. Одна заляпанная грязью брючина свисала с кровати, вторая застряла на его левой пятке. Бедра и спину неприятно покалывал засохший песок.

— На! Убирай это дерьмо, пока дети не вляпались, — жена швырнула в него швабру.

— Долго же ты ждала, — промямлил Дэн, посмотрев на часы, которые, естественно, он не потрудился снять. — Давно бы уже сама протерла.

— Ну ты и свинья, Жолудев! И как меня угораздило выйти за тебя? Настоящее животное под маской интеллигента! Если бы я убрала это дерьмо, ты бы, как всегда, не поверил, что нажрался в хлам.

— На-а-а-а-я! — протяжно застонал Дэн, сдавливая виски ладонями. — Это просто смешно — делать из меня алкоголика! Из человека, который второй раз за три года отравился спиртным! Остынь и протри, пожалуйста, пол, мне очень плохо, — он слегка толкнул швабру, и та с грохотом упала. — Прости. Как только мне полегчает, я пропылесосу всю квартиру. Только не сейчас, умоляю.

Надя неуклюже потянулась за шваброй — мешал большой живот — и, нервным рывком раскрыв ее, начала яростно возить мягкой тканевой поверхностью по полу.

— Блевотина и хождение под себя в супружеской постели — это пройденный этап? Детский сад — штаны на лямках? Вчера ты решил нагадить и изваляться в своем же говне прямо на улице? Посмотри на свою жопу, Жолудев! Сплошное дерьмище и прошлогодние листья!

— Да не дерьмо это, а обычная грязь. Скажешь тоже, — обиженно возразил он, потирая свои голые бедра. — Что за дар у тебя такой все драматизировать, представлять в мрачных, даже мерзких, красках?

Он уже распрощался с надеждой подремать еще немного, осознав, наконец, всю неприглядность своего положения. Дэн встал с кровати и попытался обойти Надю, чтобы добраться до ванны.

— Покажи мне хотя бы одного взрослого человека, который ни разу в жизни не проблевался, перебрав. Но только я являюсь животным и конченным алкашом.

Дэн прекрасно знал, насколько губителен для него мог быть алкоголь. Раз на раз не приходился, но вполне было достаточно одного случая, когда после бурного семейного застолья (между прочим, подливал ему отец Нади) он непроизвольно обмочился в кровати, находясь в глубоком сне, граничащем с забытьем. Уж сколько раз он каялся и просил прощения, умолял забыть, стереть этот эпизод из памяти, но Надя вспоминала его при каждом удобном случае.

Сегодня, конечно, ситуация особенная, и, пожалуй, Надя имела полное право припомнить каждый его проступок, но он интуитивно уворачивался от обвинений и оскорблений в свой адрес. Похоже, он все еще находился под действием... под действием чего-то, что порождало странные ощущения, не слишком походящие на привычное похмелье. Но это с учетом того, что пил он нечасто. И все же, будет справедливо признать: если бы ему, не приведи господь, довелось сейчас взглянуть на себя со стороны трезвым взглядом, он бы с радостью помог Наде подобрать всевозможные обидные эпитеты.

В целом ему всегда было немного обидно за эту черту организма, которой наделила его природа. Дэн выпивал в десятки раз реже своих товарищей, но оказывался главным героем самых невероятных и уморительных баек.

Истина состояла в том, что чаще всего, когда все после работы шли в бар, Дэн несся на вечернее обучение постигать науку своей мечты — психологию. Он давно хотел завязать с телевидением и журналистикой, поэтому получил второе высшее образование.

Но и с дипломом психолога ненавистное телевидение все-таки прибрало его к себе. Именно когда Дэн решил раз и навсегда распрощаться с телеканалом, на котором он тогда трудился, вездесущий Вэл позвал его к себе возглавить отдел кадров. Якобы его друг детства, некто

Палыч, одобрит, если эту должность займет специалист с профильным образованием, но в то же время хорошо знакомый с телекухней.

Неожиданно в новом назначении Дэн разглядел двойную пользу: в свободное от собеседований и консультирования время он монтировал срочные сюжеты по слезным просьбам корреспондентов, когда все монтажеры были заняты.

По окончании рабочего дня, когда коллеги все так же разбредались по барам, Дэн сломя голову неся на сессии с единичными пока что клиентами — ведь его заветной мечтой оставалась частная практика, которой он смог бы заняться, поднакопив денег и опыта. У него непременно должен быть представительный офис с секретарем и личным ассистентом. Имея такую четкую цель, грех терять время на пьянки и бестолковые посиделки. Дэн чаще всего отказывался присоединиться к шумным компаниям. Но вчерашний вечер стал исключением.

И ведь не столько потому, что он всегда был рад обществу студенческих товарищей Вэла и Мики, сколько ради того, чтобы проучить погрязшую в недоверии и безосновательной ревности жену. Да, он поздно возвращался домой, иногда под утро, и успевал только переодеться и принять душ, но все свое время Дэн посвящал приближению к своей цели, к мечте. За исключением тех редких случаев, когда ему на язык все-таки попадало спиртное и он выкидывал какой-нибудь невообразимый или просто малоприятный фортель.

И вот вчера он решил-таки сделать то, в чем его постоянно подозревали и обвиняли: он набухался с друзьями и ушел в загул. Даже снял проститутку. Впервые в жизни. Но не один, а с друзьями! Так было не особо страшно и совестно.

Да-а... Кажется, он здорово осмелел. И это привело к...

«К чему же это привело?» — спросил он себя вслух, замерев под теплыми струями лившейся ему на голову воды.

Выбравшись из душа, Дэн насухо вытерся полотенцем, проследовал в гардеробную, надел чистый выглаженный комплект одежды и направился в кухню. Все это время он прислушивался к своему состоянию и пытался хоть как-то восстановить в памяти события минувшей ночи.

— Куда вырядился, алкоголик?

Надя была с голыми ногами. Видимо, намочила или испачкала легинсы, пока отмывала его дерьмо. Да, он сам подобрал именно это слово.

— Сделай мне, пожалуйста, кофе, — попросил он с видом побитой, но хорошо отмытой собаки, продолжая неотрывно смотреть на ноги жены — смуглые, стройные, по-спортивному рельефные, несмотря на третью беременность.

— А ты что, успел заехать за кофе по дороге домой? У тебя еще и память отшибло? В этом доме нет кофе вот уже неделю!

— Могла бы купить.

— Не могла бы. У меня постельный режим. Про это ты тоже забыл?

Дэн любил эти ноги. Да он всю ее любил, целиком. Ее лицо, такое красивое, даже несмотря на отеки из-за беременности: пухлые губы налились еще больше, по-детски аппетитные щечки светились здоровым румянцем, носик привычно заострен и вздернут кверху, длинные ресницы подрагивают, а карие глаза как будто увеличились под воздействием бушующего внутри негодования. Единственное, чего он давно не видел на этом прекрасном лице и по чему действительно скучал, — это ее улыбка. Любуясь ею, он и вообразить сейчас не мог, что несколько часов назад был с другой. Это сон. Дурной сон.

— Тогда пойдем в спальню?

— Придурок. — Надя нервно развернулась и скрылась в детской, громко хлопнув дверью.

**4

Вэл проглотил густой комок сигаретного дыма раньше, чем в его сознании начали прорисовываться события вчерашнего вечера.

Привычка закуривать, едва пробудившись, появилась у него сразу по возвращении из армии. Собственно, он около месяца после дембеля больше ничем и не занимался, кроме как лежал и курил. До того дня, пока к нему в комнату не зашла мама — которая все это время терпеливо ждала, пока сын придет в себя, носила ему еду в комнату, как тяжелобольному, укрывала по ночам одеялом его почти двухметровое, тогда еще худощавое тело — и не скомкала последнюю мягкую пачку «Союз—Аполлон» в своей небольшой, но крепкой ладони: «Ты, сынок, конечно, перетрудился знатно, отдавая долг Родине, но таскать деньги из кошелька матери на эту отраву, из-за которой пожелтели все занавески, больше не получится».

Теперь ему почти тридцать шесть, и некогда властная женщина, возглавлявшая в советские времена целый департамент в Министерстве образования, превратилась в мягкую и уютную пожилую даму, согреваемую надеждой дожидаться внуков. Она молча заходила в комнату, когда он выходил завтракать, и открывала форточку.

Лидия Васильевна родила первого и единственного ребенка в тридцать пять — довольно поздно для тех времен. Отец Вэла был еще старше, на момент рождения сына ему стукнуло пятьдесят. Мать боготворила мужа, несмотря на разницу в возрасте. Еще бы — когда он ушел

к ней от законной жены, ему было сорок, и он был самым прославленным, талантливым, востребованным и харизматичным кинорежиссером тех лет.

Родители Вэла прожили счастливо душа в душу двадцать пять лет — десять лет до его рождения и пятнадцать после, пока их не разлучил сердечный приступ. Но Трофим Ваганов все же успел снять любимую жену в одной из своих картин. Вэл очень гордился ролью матери, сыгравшей молодую миниатюрную брюнетку с огромными глазами. Лидия Васильевна и впрямь сыграла потрясающе для дебютантки без профильного образования.

После смерти любимого мужа (они не только распisались, но и обвенчались в церкви) Лидия Васильевна с небывалой прытью углубилась в работу. Она просто боялась задушить любовью и опекой единственного сына, который как раз вступил в активный пубертатный период, протекающий под девизом «бери от жизни все или умри». Риск не дожить до совершеннолетия был серьезным, поскольку одним из главных увлечений подростка Вэла стали мотоциклы.

Учитывая рискованные мероприятия и лихой образ жизни сына, Лидия Васильевна выдохнула с облегчением, когда Валентина призвали в армию. Ей было одиноко, но до пенсии оставалось еще достаточно времени, чтобы перенести отсутствие сына более или менее безболезненно.

Спустя два года она получила на удивление степенного и сдержанного молодого человека, который вместо того, чтобы возобновить прерванные неожиданно-негаданно нагрянувшей службой гулянки с приятелями, буквально сросся с диваном на несколько месяцев, пока не лишился постоянного источника дохода, покрывавшего его основные потребности (пиво и сигареты), в виде потертой серой сумочки, болтающейся на крючке в небольшой обшарпанной прихожей.

Нет, они с мамой не жили в нищете. Напротив, квартира была не особо маленькой и довольно добротной, почти в самом центре города — на Таганке. Но у хозяйки ни разу не возникло мысли что-то поменять и обновить после ухода любимого супруга. Вэла тем более все устраивало: и кружевные занавески на окнах, и клеенчатая скатерть на кухонном столе.

И вот когда занять себя стало решительно нечем, молодой человек задумался о получении высшего образования. Это было лишь вопросом времени, о выборе специальности даже разговора не зашло — все было решено матерью уже давно: сын пойдет по стопам отца, то есть поступит на режиссерский факультет ВГИКа. У Лидии Васильевны на тот момент было достаточно связей и хороших знакомых, чтобы не возникло проблем ни с поступлением, ни со стипендией...

Еще затяжка. Голова готова разорваться на части — это надо же было так надраться! Вэл нащупал свой «Айфон» (разряжен) и совершил немыслимый подвиг: свесился с дивана и стал шарить под ним в поисках зарядки.

Он не помнил, как добрался до дома, и надеялся восстановить события вчерашнего вечера при помощи просмотра последних звонков и сообщений. Иногда это помогало. Но чаще — вызывало бурю безудержного смеха: всегда находились фотографии, сделанные в разгар веселья. Обычно на гогот прибегала испуганная мама, снисходительно улыбалась, покачивая головой, и открывала форточку.

На этот раз никаких свежих уведомлений Вэл не нашел. Как будто его похождения закончились в 22.00. Но такого просто не могло быть.

Пока Вэл вспоминал, куда и с кем направился после завершения официальной части дня рождения шефа, он привычно зашел в чат с пользователем «Сюзанна». Надо же! Даже ей вчера ни слова не черкнул. А такое бывало

очень редко. «Люблю тебя! Тоскую по тебе!» — это сообщение висело еще с позавчерашнего вечера. Без ответа, как и все предыдущие, одинаковые по смыслу. Вэл прокрутил длинную одностороннюю переписку вверх-вниз и шумно выдохнул. Не блокирует. Но и не отвечает.

Вэл, гонимый то ли силой привычки, то ли собственническим инстинктом, каждый вечер строчил Сюзанне одни и те же слова, осознавая всю степень эгоистичности своих порывов, но успокаивая себя тем, что ее все же согревают эти искренние слова. Он часто думал, что будет, если он встретит другую и увлечется ею. Она затмит Сюзанну. Он был почти уверен, что это случится. И, рисуя в воображении роковой момент, жалел ее, хотя и понимал, что она, с большой долей вероятности, уже сама кого-то встретила. Скорее всего, какого-нибудь посредственного провинциального парня. Никто не затмит харизму Вэла! Он был уверен, что останется в памяти Сюзанны большим, темным, бородатым, нестираемым пятном.

Сюзанна отвечала за связи с общественностью в архангельском филиале телеканала. Когда группа специалистов из Москвы приезжала обучать провинциальных новобранцев, именно она встречала гостей, возила их в ресторан и помогала обустроиться в гостинице. Вэл с досадой отмечал, что в московском офисе таких тактичных и знающих свое дело сотрудниц еще надо поискать. Казалось, на ее хрупких плечах держится все представительство. Руководство же местного телеканала, напротив, было начисто лишено столичного лоска. Вэл смотрел на них удрученно и сомневался бы в развитии местного телеканала, если бы не порхающая и везде успевающая Сюзанна. На протяжении четырех месяцев он то и дело мотался в Архангельск и уже не помнил, когда впервые оказался с ней наедине. Кажется, они сидели в ресторане в ожидании вечно опаздывающего на-

чальства. Сюзанна прочно засела в своем телефоне, ее пальцы скользили по экрану, набирая одно сообщение за другим. По всему было видно, что эта женщина работает, а не коротает время в чатах и соцсетях. В любую свободную минуту она лучезарно улыбалась Вэлу, показывая ровный, но немного выпирающий ряд белых зубов.

Она всегда носила деловой костюм, подчеркивающий ее тонкую талию. Изыщные икры облегал тонюсенькие чулки, а на ногах красовались неизменные лодочки. Кудрявые волосы до середины лопаток и острый носик придавали игривости ее деловому облику. Почему-то первой мыслью, посетившей Вэла, когда он увидел эту эффектную молодую женщину, оказалось «как хорошо было бы запустить ладонь в ее мягкие волосы». Впрочем, женщины с роскошной пышной шевелюрой всегда располагались на вершине сексуальных фантазий Вэла.

Он вдрызг разругался с тогдашним директором канала Дарьей Птицыной. Всегда не переваривал ее, а она при каждом удобном случае делала ему замечания и выговоры за несоблюдение корпоративного устава. Палыч купил канал позже, а на тот момент Вэлу казалось, что его дни на занимаемой должности сочтены.

Он и архангелогородцев уже перестал гонять, все чаще проводил с ними вечера в местных развеселых заведениях и непременно обсуждал ненавистную директрису. Птицына — она и есть птица! Только не изящная, а голубиха с тупо выпученными черными глазками. Или курица, раскудахтавшаяся от долгого невнимания петуха. Или цапля, неуклюжая и непропорциональная.

Но все-таки Дарья Птицына толк в сотрудниках знала. И даже на расстоянии (с высоты птичьей шеи) разглядела, что архангельский филиал держится на помощнице руководителей, и вынесла ее кандидатуру на руководящий пост. Узнав об этом одним из первых, Вэл попытался убедить Птицыну перевести Сюзанну в Мо-

скву. «Тут для порядка есть я, — безапелляционно заявила та. — А на местах надежных людей не хватает».

На тот момент Вэл уже добился расположения прекрасной будущей руководительницы регионального филиала. Тем вечером, когда они с Сюзанной все-таки дождались опаздывающее начальство, они вдвоем потом развезли руководителей по домам. Была пятница, и оба не хотели рано ложиться спать, поэтому продолжили общение в баре. Следующее морозное темное утро они встретили вместе в его номере гостиницы.

Понимая, что у Сюзанны хорошие перспективы, а он без пяти минут безработный, Вэл всерьез подумывал осесть в северном городе и уже даже приглядел подходящую нишу для бизнеса.

Предстоящее повышение, о котором Вэл по секрету нашептал возлюбленной одной из жарких ночей в его номере, очень много значило для девушки. Но он не мог не заметить ее вопросительный взгляд: а дальше что? ты уедешь? это все было лишь развлечением? кто я для тебя? Вэл понимал, что Сюзанна жертвует карьерой и мечтой и поедет за ним в Москву, если он предложит. Но он молчал. Какого черта? Она не пропадет в столице! Она устроится еще лучше! Правда, там, безусловно, конкуренция большая. А вдруг ей не светит ничего выше секретаря или ассистента какого-нибудь фашистского экспата? Нет, пусть лучше он останется здесь.

Со временем их отношения окрепли настолько, что они смогли поговорить открыто о собственных перспективах. Вэл пообещал, что если Птицына сдержит слово и повысит Сюзанну, то он останется в Архангельске. Ей же, в свою очередь, был уготован целый экзамен, который не исключал и прохождения по головам. «Валя, я не буду даже пытаться, — уверенно говорила совестливая Сюзанна. — Я пройду этот путь, а потом выяснится, что ты решил уехать и мне придется все бросить. Нет, я не

собираюсь это делать. Ни себе ни людям, называется». Вэл убеждал ее, что останется.

Когда все было готово к ее назначению, Вэл, к своему удивлению, еще числился на канале. Грозная Птицына никак не решалась его уволить, хотя тот уже вконец расслабился. Вэл уехал в Москву, чтобы оформить увольнение.

Мама была самым важным человеком в жизни непоседливого балагура Вэла. Теперь появился еще один человек — Сюзанна. Вэл сообщил ей, что мама переедет с ним. Но Сюзанна не горела желанием жить с его мамой, тем более что они еще ни дня не пожили вдвоем. Но Вэл успокоил ее, сказав, что маме он снимет отдельное жилье. Переезд из Москвы не будет окончательным и бесповоротным, поэтому мамину московскую квартиру можно будет сдавать, а на эти деньги снимать две квартиры в Архангельске недалеко друг от друга.

Но в самый счастливый и переломный период жизни Вэла произошло непоправимое. Когда он вернулся домой, полный решимости сообщить маме о скором переезде, та пожелала высказаться первой. Весь ее вид давал понять неприлично довольному сыну, завалившемуся в дом в теплом пуховике и бодро отряхивающему снег с мехового воротника, что ее новость не так хороша и заслуживает быть озвученной в первую очередь. «У меня рак, сынок. Опухоль в голове. Но операбельная! Мне как москвичке полагается квота на лучевую терапию. Будем бороться!» — «Будем», — ответил Вэл, упав на колени перед мамой и обхватив ее тонкие ноги. Снежинки на капюшоне таяли, и капельки воды падали на плечи, а мама хрупкими бугристыми пальцами размазывала образовавшуюся на поверхности плотной ткани лужицу.

Вэл не вернулся в Архангельск. Он заявил Птицыной без всякого объяснения причин, что ни в какие командировки в ближайшее время не поедет, и она бы уже точ-

но уволила его, если бы в этот самый момент Палыч не подписал договор на приобретение канала. Руководство молниеносно поменяли, Вэла повысили.

Он немного пришел в себя, маме сделали операцию. Прогнозы были туманными, впереди ждала химиотерапия.

Вэл сообщил Палычу о замечательной работнице архангельского филиала, но в данном вопросе его институтский приятель был солидарен с Птицыной: и так задач хватает, чтобы еще заниматься бесполезной пертурбацией.

Вэл впервые написал Сюзанне что-то другое вместо вечерних признаний. Спросил, как она посмотрит на то, что он поднажмет на собственника, чтобы ее перевели в Москву. Сюзанна давно не отвечала на его сообщения, но тут со всей эмоциональностью, на которую было способно текстовое сообщение, уверила его, что никогда этому не бывать.

Он встретил ее в московском офисе телеканала спустя два года. В Гамбурге открывался новый филиал, а самым выдающимся региональным руководителем оказалась Сюзанна, по образованию лингвист, свободно владеющий немецким и английским. По ее стеклянному взгляду он сразу понял, что она еще не готова его простить. «Значит, до сих пор любит», — эгоистично заключил он. Они не перекинулись даже парой слов. Наскоро получив указания от начальства, Сюзанна улетела в Германию, где пробыла несколько месяцев.

О ее возвращении в Архангельск Вэл узнал от Палыча. Она наладила работу филиала и пока будет контролировать его деятельность удаленно. Вэл немного успокоился — у него были некоторые переживания по поводу того, что она встретит какого-нибудь холеного немца и навсегда переедет в другую страну. Ему было спокойнее знать, что она в Архангельске, в городе, который хра-

нит воспоминания об их самых счастливых днях и неделях.

Писать он ей не переставал. Даже после тогдашней единственной мимолетней встречи в офисе он поблагодарил ее за самый приятный рабочий день в своей жизни, пожелал удачи и попросил не забывать его. Вэл представлял, как ее злят и каким издевательством кажутся ей эти сообщения, но не мог остановиться...

Потеряв надежду на то, что телефон хотя бы намекнет ему на причины тотальной амнезии, Вэл встал, натянул на массивный волосатый торс серую футболку, сунул ноги в тапочки и прошаркал в кухню. Мамы там не было, но из ванной доносились копошение и шум воды.

— Мамуль, ты чего там возишься?

— Сынок, у тебя такие грязные ботинки! Где тебя носило?

— А во сколько я пришел? Не посмотрел на часы... — попытался схитрить Вэл.

— Пришел? — усмехнулась мама. — Тебя привели, сынок!

— Кто?

— Не знаю точно. Я сначала подумала, что это кто-то из твоих друзей, но, скорее всего, это был таксист. Незнакомый бугай. Повезло. Другой бы тебя не дотащил.

— Прости. Нас вчера, по ходу, опоили.

— Ага, — тоненьким скрипучим голосочком согласилась мама, не отрывая сосредоточенного взгляда от все еще не до конца отмытых ботинок.

— Правда, мам, даже похмелье какое-то странное.

Вэл знал, каким тяжелым бывает утро после хорошего праздника, но сам редко был подвержен этому состоянию. Благодаря старательно набранной массе и особенностям организма он мог очень много пить и не пьянеть, а если и хмелел, то наутро обычно чувствовал себя бо-

дрячком. За исключением некоторых случаев с некачественным или слишком разнообразным алкоголем, которые можно было сосчитать по пальцам.

Но если этой ночью он напился до беспамятства, то ему сейчас должно быть намного хреннее — именно это он имел в виду, говоря о странном похмелье. Его не мутило, но голову как будто обволакивал липкий туман, да и тот возник, только когда Вэл поднялся с постели.

— Я заварила травяной чай, — сказала мама. — Надеюсь, поможет.

— Надеюсь, — ответил Вэл и вернулся в кухню.

Было почти пять часов вечера, когда он покончил с завтраком. С одной стороны, Вэл обрадовался — уже скоро можно будет снова отправиться в бар. Но с другой — было еще совсем светло, апрельские вечера раздражали своей заторможенностью после стремительных зимних сумерек.

Вэл не выдержал и набрал другу.

— Мика, живой? Как насчет закрепить эффект?

— Эффект? Ты вообще помнишь, что вчера было?

— Нет, а ты?

— Очень смутно. Мне кажется, мы круто облажались.

— Стоп-стоп-стоп. Больше ни слова. Встречаемся в «Карете» через час. Я без бокала не готов базарить о вчерашнем.

**5

«Каретой» назывался небольшой паб в полуподвальном помещении на Старом Арбате. Не в каждом приличном заведении Вэла сейчас бы приняли с распростертыми объятиями — небритого, с торчащими в разные стороны волосами, со стеклянными глазами и в небрежной полуспортивной одежде.

Вэл очень просто относился к своему внешнему виду, своей речи, да и жизни в целом. Но проницательный человек всегда мог разглядеть в нем выходца из интеллигентной семьи. Его сильной стороной было умение без труда поддержать разговор на интеллектуальную сложную тему. На подготовку к подобным темам у иного человека, стремящегося произвести впечатление и показать свою эрудицию, ушли бы дни или даже недели. Любой, кому приходилось выступать его оппонентом в споре, потом жалел об этом, поскольку оказывался не в состоянии противостоять его тонкому уму, юмору и находчивости.

Внешне Вэл контрастировал с утонченной и элегантной Сюзанной, но именно она как-то раз, перечисляя причины любить такого неотесаного и грубого на первый взгляд мужлана, сказала: «Мне за тебя никогда не будет стыдно, знаешь? Каким бы ни было у человека первое впечатление, ты всегда заставишь его уважать себя. Так случилось и со мной. Не потому, что ты старался мне понравиться, а потому, что просто был собой. Я встречалась с мужчинами и уговаривала себя делать им поблажки — скидки на воспитание, происхождение, недостаток образования. А ты — полный сосуд, содержанием которого я наслаждаюсь, пью его и не могу напиться». Вспоминая эти слова, Вэл раз за разом убеждал себя в том, что никого лучше она не нашла и не найдет и именно поэтому не блокирует его номер.

Единственное, чего не ожидала Сюзанна, — это того, что он окажется так жесток. Но его строптивость стала неожиданностью и для него самого. Быть может, в глубине души он надеялся, что она все-таки бросит все и приедет к нему. Быть может, он ждал жертвы, на которую его любимая оказалась неспособна.

— Здорово. Дэну не звонил? — спросил Мика, снимая легкую куртку.

— Не думаю, что он так быстро очухался после вчерашнего. Слабачок, обычно после пинты пива полдня в лежку.

— Тоже верно. Но, может, он что-нибудь помнит?

— А ты помнишь?

— А ты?

Никогда еще их разговор не носил столь загадочный характер. В этот момент они оба ощущали острую потребность в третьем товарище, что случалось не так часто. Дэн обычно много нудел и мало пил. Вернее, недолго пил. Поскольку быстро отключался. Но сегодня его не хватало, без него пазл не складывался.

— А вот и он, воробышек, — Вэл поднес к уху вибрирующий айфон. — Бессмертным будешь! Только о тебе вспоминали, — он нахмурил брови, Мика подался вперед. — Ладно, ладно, не кипятись. Ждем в «Карете», без тебя не начинаем.

— Ну, чего там? — нетерпеливо спросил Мика.

— Обиделся, — пояснил Вэл, — что без него похмеляемся. Сейчас примчится.

И в самом деле. Не прошло и тридцати минут, как в полутемное помещение влетел Дэн. Выглядел он безупречно, особенно на фоне помятых в прямом и переносном смыслах товарищей.

Вопреки их ожиданиям, Дэн не схватился первым делом за меню, а бросил им под нос конверт из «Инвитро» и плюхнулся на стул, ослабляя галстук, повязанный поверх идеально выглаженной рубашки. Пока он пристраивал к стенке свой портфель, Вэл присвистнул:

— Мы всего лишь сходили в стрипбар, а он уже проверился! Ну ты и алармист!

— Значит, про бар ты помнишь? — осторожно поинтересовался Мика. — А про то, что было после бара, утром?

Вэл поджал губы и, отведя глаза, уставился на висящую на стене футбольную бутсу.